

Сергей Конышев

Сергей Конышев

**Счастливая
сколопендра**

Роман

Москва
Интернациональный Союз писателей
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К64

Коньшев, Сергей

К64 **Счастливая сколопендра: роман / С. Коньшев. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. – 300 с.**

ISBN 978-5-6050862-4-6

Россия-2018. Чемпионат мира по футболу. Москва стучит во все барабаны и говорит на всех языках мира, но Сергею тошно на этом празднике жизни, его собственная жизнь — на перепутье. Сергею скоро тридцать, а он так ничего и не добился: мечтает стать писателем, но погряз в мещанстве. Повседневная рутина засасывает: работа, девушки, алкоголь — кажется, будущего нет. Как вдруг появляется призрак из прошлого, и Сергей едет с ним в отпуск на Чёрное море. Там духовный паралич героя кончается и начинается творческая полоса препятствий. Сможет ли Сергей её преодолеть? А главное, станет ли он счастливым в России-2022?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6050862-4-6

© Сергей Коньшев, 2024
© Интернациональный Союз писателей, 2024

Здесь и сейчас — перемены

Роман Сергея Коньшева — произведение, несомненно, смелое и яркое. Это настоящий роман про «здесь и сейчас». Он, бесспорно, обладает жгучей актуальностью, он о молодом поколении, написан молодым человеком, который не прячется за художественными условностями, следуя прямо к сути, прямо к правде.

Читать эту книгу будет интересно тем, кто не избегает правды, кто хочет познать человека во всем его многообразии. Текст написан от первого лица, поэтому момент интимности, искренности — на первом плане. Герой, молодой писатель-любитель, неспешно вовлекает нас в своеобразную воронку повествования, из которой нам не хочется выбираться. Сергей Коньшев умеет удивлять. И это одно из главных качеств его неоспоримого таланта.

В начале романа мы знакомимся с молодыми людьми на фоне летней Москвы 2018 года. Футбольный чемпионат, тусовки, лёгкость знакомств и романов. Все это описано мастерски, легко, с хемингуэевскими интонациями. Здесь можно отметить точность портретных характеристик. Все герои, а их в итоге оказывается пятеро, зримы. Без проблем представляешь их внешность, и от этого выстраиваешь в голове особенности их психотипов. *«Одна — рыжая Маша в поло Burberry и круглых очках. Вторая — киргизочка Галя, у которой из тугого пучка волос торчал жёлтый карандаш».* Коньшев показывает, что сюжет он строить умеет. Никаких начальных скороговорок, попыток всё сказать, запинаясь. Действие развивается постепенно, основная линия обрастает побочными, как тема в хорошей полифонии. Это придаёт нелинейность, что для современной прозы хорошо. Следя за отношениями молодых героев, мы настраиваемся чуть ли не на беллетристику. Но я предупреждал, что Коньшев умеет удивлять. Шаг за шагом лирический накал исчезает, тонет в бытовых банальностях и в неприглядных подробностях, вводимых автором в общую ткань совершенно сознательно. Мы понимаем, что герои не дозрели до своих чувств и что южное солнце (а вся пятёрка проводит в отпуске в Джанхоте,

недалеко от Геленджика) им не на пользу. Герой, он же рассказчик, беспощадно пишет об этом, и история из личной превращается в портрет поколения с его необязательными любовями и общей незрелостью.

Хутор — место, где живут люди, считающие себя свободными от общества. Это не просто сильно пьющие бомжи, это философы. Это секта. Здесь автор создаёт мощную философскую оппозицию. Жизнь поколения так скудна, так местами лишена смысла, что идеи хуторян — весьма вульгарные, — кажутся им привлекательными. В течении повествования, которое занимает несколько лет, герои не раз возвращаются на хутор, и каждый раз с разными целями. Тут не буду давать спойлер, но каждый их приход — это новая фаза развития сюжета, приобретающая к концу романа подлинный драматизм.

Много тонкостей заложил в свой роман Сергей Коньшев, много наблюдений. Впроброс вроде бы, но значимо описаны страдания писателя, которому не пишется, равно как эйфорическое состояние, когда наконец записалось. Всё это делается не ради описания, а важно для развития взаимоотношений героя с окружающими. Через это мы узнаем его характер, его взгляды и то, как взгляды влияют на его отношение к жизни. Это смело, возможно, чуть прямолинейно, но в данном контексте работает эффективно. *«Фильм мне понравился, а вот Бунин стал ещё неприятней. У меня появилось к нему предубеждение. Помню, когда я прочитал его дневник под названием “Окаянные дни”, то подумал: “Если это не сборник анекдотов, а, видимо, это не так, то, значит, это именно то, что сейчас называют ‘либераху порвало’ — идеальный случай”».*

Убеждение героя, так ясно здесь выраженное, перекидывает мостик к финалу, когда герой уже готов принять самое важное для себя решение, а автор в конце вместо точки вот уж выбрал восклицательный знак, как вдруг возникает вопросительный. Слишком бы всё просто и банально было бы, если б он не появился. Финал очень сильный.

Много нюансов Коньшев показывает нам в описании лирических чувств. Приятно, что есть мера между возвышенными

чувствами и плотскими. Нет жизни без двух этих явлений. И Конышев вместе с нами сначала запутывает их в один узел, потом распутывает. Любовные интриги, треугольники есть, но они небанальны; несмотря на лёгкость повествования, его занимательность, его общий позитивный интеллигентский прищур, в книге много моментов крайне драматичных. Судьбы обитателей секты, которые в основном позиционировались как забавные «довлатовские» чудаки, обрываются нелепо и страшно. Автор придаёт этому философскую значимость, намекает: это предвестник больших перемен, когда исчезает то, что казалось незыблемым.

Проведя нас через ликование мирового футбольного чемпионата, через ковид, к началу СВО, Конышев заставил нас задуматься о многом. Многие свои мысли он вложил в уста других героев, но от этого они не стали менее личными. По всем законам драматургии все главные герои претерпевают большие трансформации. К лучшему это или к худшему? Вопрос этот остаётся без ответа. Но то, что герои всё-таки вместе с нами шли по пути к себе, а не от себя, всё же оставляет надежду.

*Максим Замшев,
писатель, поэт и прозаик,
публицист, литературный критик,
главный редактор «Литературной газеты»*

Человек создан для счастья, как птица — для полёта.

В. Г. Короленко. «Парадокс»

Рождённый ползать — летать не может!

М. Горький. «Песня о Соколе»

Глава 1

В семнадцати километрах от Геленджика, если идти в сторону Туапсе, приютился маленький хутор Джанхот. Впервые я узнал о нём от своего начальника. Помню, название мне сразу понравилось. С адыгейского языка оно переводится как «счастливый человек». Ради интереса я посмотрел фотографии в интернете: море, сосны, камни — даже нудисты имеются. Красотища! Покой! И такой контраст с летней Москвой-2018, которая стучала всеми барабанами и говорила на всех языках мира. Россия принимала чемпионат мира по футболу, и улицы её городов заполнили толпы болельщиков: орущих и пёстрых. Это был настоящий карнавал, яркий праздник, пир! И всё же человека тянет в дикость. Наверное, поэтому я и согласился поехать в Джанхот.

— А мы не помешаем твоим родственникам? — спросил я.

— Нет, они уехали на Байкал с палаткой, — ответил Ваня Чусов, или, как все его называли, Ванчоус, между прочим, мой начальник.

После работы мы сидели с ним в баре «Сколопендра» и пили пиво, обсуждая будущий отпуск и вчерашних девчонок. Мы познакомились с ними случайно, оказавшись во время обеда за одним столом. Обе — студентки четвёртого курса. Одна — рыжая Маша в поло Burberry¹ и круглых очках. Вторая — киргизочка Галя, у которой из тугого пучка волос торчал жёлтый карандаш. Мы разговорились. Сначала болтали о всякой ерунде: какие в этом

¹ Британский дом моды класса люкс.

кафе удобные стулья, а вот цены высокие, правда, порции большие, сытные. Потом на улице кто-то зарядил футбольную кричалку, и мы стали обсуждать чемпионат мира. Девушек он утомил. Они жаловались на нервное состояние: мельтешение людей и раздражающий шум. Им обоим хотелось спокойствия, а ещё лучше — сбежать из этого шабаша, свалить куда-нибудь в глушь.

Тогда-то Ванчоус и вспомнил про Джанхот, где можно устроиться на диком пляже и не просто отдохнуть, а прямо изолироваться от всего на свете. «Круто!» — одновременно произнесли обе девушки. Ваня довольно улыбнулся и забурлил термальным источником. Не жалея ярких слов, он стал рассказывать, как, ещё будучи школьником, классно проводил время на Чёрном море: купался по сто раз на дню, а вечерами сидел у костра с местными пацанами и потягивал домашнее вино из баклажки. Студентки слушали затаив дыхание. Когда Ванчоус закончил свои воспоминания, Маша заметила, что давно мечтает о таком отдыхе. Галя согласилась с подругой. В общем, девушки проявили заинтересованность, и мы договорились с ними о новой встрече через пару дней, как только Ваня уточнит все подробности у своих родственников из Краснодарского края.

* * *

— Серёг, тебе какая из них больше понравилась? — спросил Ванчоус, достав из кармана пакетик с белым веществом.

— Обе хороши, — задумчиво ответил я. — Но, пожалуй, рыжая — больше. Она в очках, и в её сумочке я заметил книгу. Люблю, когда девушка читает. Даже если это «Гарри Поттер» или Пауло Коэльо.

— Договорились, — равнодушно произнёс Ваня и пошёл в туалет — отлить и «пощекотать ноздри».

Я глотнул пива и уставился в стену. Она была вся в крупных рыжих мазках, похожих на эклеры. Хотелось их съесть — по крайней мере, они возбуждали аппетит. Сбоку от барной стойки висел постер формата А2 с изображением толстопузого немца-пьянчужки.

Надпись сбоку от него гласила: «Ты не можешь купить себе счастье, но ты можешь купить себе пива. Что, в принципе, одно и то же». Я ухмыльнулся: в чём-то этот бургер прав, но только самую малость.

Я перевёл взгляд на окно — стёкла в нём давно не протирали, они были пыльными и тонкими, а вид из них — унылым: кирпичная стена с большими ржавыми воротами, которые вдруг открылись, и из них выехал грузовик с щёбёнкой, хотя раньше, помнится, там находилась овощебаза. Я взял из тарелки рифлёную чипсину, откусил от неё полоску, потом — ещё одну, и так до конца — всяма удобный формат. Облизав кончики пальцев, пошёл к барной стойке, чтобы взять влажные салфетки. Заодно купил пива и вернулся к столу, за которым уже сидел начальник с расширенными зрачками и слегка покрасневшим носом.

Ванчоус любил кокаинчик и мог позволить его себе в любых количествах. К тридцати годам Ваня уже многого добился в сфере мобильных игр. Имел собственную компанию-разработчика, довольно успешную по меркам России. Я устроился в неё на общих основаниях и первое время был одним из многих. Обычный серый айтишник, мышь. Но однажды, спустя примерно год, Ванчоус вызвал меня к себе в кабинет. «Ты что, писатель?» — спросил он, даже не поздоровавшись. Я смутился, а Ваня стал меня нахваливать. Оказалось, кто-то ему про меня шепнул, и он ради любопытства решил прочитать несколько моих рассказов, и они ему очень понравились. А ещё он признался мне по секрету, что и сам пробовал писать, но ему ни разу не хватило терпения закончить начатое. Ничего удивительного в этом не было: писательство требует колоссального терпения.

Ваня был хорош в другом: он принимал не просто быстрые, а что ещё важнее, правильные, эффективные решения, успевая делать даже то, в чём не было никакой необходимости. Как вы понимаете, помогал ему в этом отборный колумбийский товар. Ванчоус и мне предлагал. Я пару раз угостился, но потом только отказывался, оправдываясь тем, что наркотики — совершенно не моя тема и мне больше нравится алкоголь. А выпивал я, надо сказать,